

Рудольф Штейнер

Из GA 134: Мир чувств и мир духа

Из Лекции 4 от 30 декабря 1911 г. с. 122-130

То, что обыкновенно принято называть **материей**, может быть понято человеком только при помощи сравнительно трудных представлений. И если мы захотим выяснить себе в оккультном смысле сущность материального, вещественного, то нужно прежде всего спросить: какое наиболее бросающееся в глаза свойство того, что мы называем материей? Если подойти к этой проблеме непредвзято, то мы найдем, что наиболее разительным свойством всего материального является его пространственное наполнение, протяженность **в пространстве**. Никому не придет в голову по поводу происходящего в его душе – будь то чувство или мысль, или же импульс воли – говорить о том, что воля, или мысль, или чувство занимают место в пространстве. Всякому человеку ясно, что было бы бессмыслицей утверждать, скажем, будто мысль о герое на пять квадратных метров больше, чем мысль об обыкновенном человеке, не правда ли? Если эту мысль довести до конца, то очевидным станет, что нельзя говорить о наших душевных состояниях и душевных процессах как о чем-то, занимающем место в пространстве.

Можно было бы, конечно, сказать, что есть еще другое отличительное свойство материи, именно то, что материя должна иметь вес. Но с этим свойством дело обстоит не так просто, как кажется, в чем мы убедимся в ходе дальнейших лекций. Ибо, если противопоставить себя миру, только созерцая его, то в непосредственном созерцании и наблюдении мы не увидим веса, а только протяженность, наполнение пространства, пространственное бытие.

Мы знаем еще, что эта протяженность должна иметь три измерения, принятые для пространства: высоту, ширину и глубину, или длину, называйте, как хотите. Это общая, можно сказать, тривиальная истина. Итак, протяженность в трех направлениях мы должны признать самой примечательной характеристикой материального. Всякий, усвоивший то, о чем только что шла речь, а именно, то, что при явлениях душевных нельзя говорить о наполнении пространства, – должен сказать себе, что в смысле пространственной наполненности есть еще нечто, кроме того, что заполняет пространство, то есть, нечто, кроме материи, вещества. Ибо и при наблюдениях на физическом плане можно заметить, что душевные переживания не являются пространственно протяженными процессами и состояниями.

Если вы будете наблюдать душевные переживания так же непредвзято, как и переживания материи в пространстве, то вы скоро заметите другое свойство душевных переживаний, без которого они не могут иметь места. Непредубежденному взгляду ясно, что душевные переживания протекают **во времени**. Хотя мы и не можем сказать, что чувство или импульс имеют длину пять квадратных метров, но мы все-таки должны признать, что то, что мы чувствуем и мыслим, поскольку эти вещи являются душевными переживаниями, протекают во времени, и что нам необходимо не только определенное время, чтобы их пережить, но, кроме того, одно происходит

раньше, другое позже, – короче говоря, мы замечаем, что переживаемое нами в душе подчинено течению времени.

И вот, дело обстоит так, что в окружающей нас действительности и в нашем внутреннем бытии пространство и время фактически беспорядочно перемешаны. Особенно во внешнем мире вещи не только обладают пространственной протяженностью, но и протекают одни за другими во времени, сами требуют некоторого времени. Прежде, чем мы обращаемся к оккультным истинам, перед нами встает вопрос: какое отношение существует вообще между пространством и временем? Так мы в высшей степени невинно касаемся в нашем цикле антропософских лекций вопроса, который фактически всегда был великим философским вопросом, над которым, образно выражаясь, ломало головы бесчисленное количество людей во всем мире, – это **вопрос об отношении времени к пространству**.

Вам, может быть, нелегко будет следить за ходом мысли об отношении времени к пространству сегодня, когда мы затронули этот вопрос мимоходом, так как большая часть слушателей не имеет специальной философской подготовки. Но если вы потрудитесь все же проследить за ходом мысли, то увидите, как бесконечно плодотворны такие мысли, и как вы сможете развить их, особенно если переработаете их в медитации.

Будет хорошо взять за отправную точку время, которое вы переживаете в собственной душе, но при этом спросите себя, каким образом вы переживаете время внутри вас самих. Речь, конечно, идет не о времени, которое можно посмотреть на своих часах, – вы бы тогда только сравнивали свою внутреннюю жизнь с внешними событиями. Итак, полностью отвлекитесь от того времени, которое показывают часы, и от прочих внешних событий. Попробуйте задать себе вопрос, который можно обратить лишь к своей собственной душе: как проявляет себя феномен времени в вашей душе? Как бы глубоко и основательно вы ни взвешивали этот вопрос, вы не сможете прийти к другому заключению относительно уловления процесса времени, как только к тому, что *мысль возникает в вас после того, как вы бываете возбуждены внешним восприятием*. Вы видите или слышите что-либо, и затем в вашей душе возникает мысль или представление. Когда же вы задаете себе вопрос, каково, в сущности, соотношение между вами и этим представлением, то приходите к заключению: *пока вы заняты этой мыслью, вы, в сущности, сами и есть эта мысль*. Попробуйте основательно продумать это, и вы должны будете сказать себе: пока вы находитесь во власти этой мысли, вы, в самом своем внутреннем существе, тождественны этой мысли. Было бы предубеждением полагать, что рядом с этим представлением вы имеете еще представление о Я-есть или о чем-либо еще в этом роде. Я-есть здесь нет, пока вы погружены в данную мысль. *Если вы хотите быть чем-то еще иным, кроме мысли, которую вы имеете, вы должны это выработать в себе особыми упражнениями*.

Вообще человек растворяется в мысли или чувстве, непосредственно его занимающих. Предположим, что этот кусок мела возбудит в вас такую мысль; тогда вы отбросите все остальное и отдадитесь только представлению о меле, возбужденному в вас восприятием, выше внутреннее сольется в одно с представлением о меле. К

Когда же вы восприняли это представление, и вам приходит на ум, что вы вчера тоже видели мел, то вы сравниваете то, что вам дано непосредственно как представление о меле, с тем, что вы пережили вчера как мел. И когда вы сроднитесь с мыслью, что вы непосредственно

отождествились с сегодняшним мелом, то заметите, что не можете себя так же отождествить со вчерашним мелом, как вы это сделали с сегодняшним. Вчерашний мел остался для вас представлением в воспоминании. Если вы действительно слились воедино с представлением о меле сегодня, то вчерашний мел стал для вас в вашем внутреннем чем-то внешним, то есть, сегодняшний мел является вашим настоящим сегодняшним внутренним содержанием. Выше представление в воспоминании есть нечто, на что вы оглядываетесь, однако оно, в сравнении с сегодняшним представлением, является чем-то внешним. И, кроме настоящего момента, все обстоит точно так же по отношению ко всему, что вы пережили в душе. Настоящий момент есть ваше данное внутреннее содержание. Все, что вы пережили раньше, вами отброшено, находится уже вне вашей собственной души. Если выразаться образно, представьте себе, что настоящий момент с имеющимися у вас представлениями есть змея, а то, что вы отбросили, есть кожа, сброшенная змеей. Подобно тому, как змея может сбрасывать с себя оболочки одну за другой, точно так же все ваши отброшенные представления будут чем-то внешним по отношению к вашей данной внутренней сущности. Другими словами, насколько вы себя помните, вы всегда превращали нечто внутреннее во внешнее, ибо представление о меле, имеющееся у вас в данную минуту, вы в следующий момент, переходя к другому представлению, превратите во внешнее представление, – вы все время перерабатываете все внутреннее во внешнее. В этом-то и состоит душевная жизнь, что внутреннее постоянно становится внешним. И в нашем собственном внутреннем бытии, этом внутреннем духовном процессе, мы можем различать между собственно внутренним и внешним элементом во внутреннем бытии. Мы остались во внутреннем, однако в самом внутреннем мы должны различать две части: часть нашего собственного внутреннего и часть нашего внутреннего, ставшего внешним.

Этот процесс, прошедший сейчас перед нами, когда внутреннее стало внешним, образует, в сущности, содержание нашей душевной жизни. Если вы над этим задумаетесь, то найдете, что ваша душа есть не что иное, как все, что вы пережили с первого момента раннего детства, о котором у вас сохранилось воспоминание. Человек, забывший все, что он пережил, потерял бы, в сущности, свое Я. Следовательно, в этой возможности оставлять свои воспоминания позади себя и все-таки сохранять их постоянно, как сброшенные кожи, – в этом и состоит реальность нашей душевной жизни.

Вы можете себе представлять реальность этой душевной жизни самым различным образом. Я прошу вас обратить внимание на то, что конфигурация души в каждый данный момент бывает различной. Представьте себе, что вы гуляете ночью под звездным небом или же слушаете симфонию Бетховена, тогда ваше внутреннее существо отождествляется с обширной областью душевной жизни. Представьте себе, что из этой звездной ночи вы вступите в темную, убогую комнату, тогда ваша душевная жизнь как бы сразу съжится, представлений сразу же станет намного меньше. Или же когда симфония смолкает, то по отношению к слуховым представлениям вы тоже беднеете; когда же вы спите, то ваша душевная жизнь сужается до минимума, пока снова не оживится при пробуждении. Таким образом, ваша душевная жизнь постоянно меняет свою форму. И если мы теперь зарисуем нашу мысль, – это лишь символ, ибо мы должны рисовать в пространстве, хотя имеем в виду время, не имеющее пространства, – то мы можем изобразить это

разнообразнейшими способами. На этом рисунке она то сжимается (а), то распускается (b). Мы должны были бы представить себе это в разнообразнейших видах, причем «с» – это всегда содержание нашей душевной жизни. Из символа вы уже можете уяснить – а он не должен давать вам ничего иного, как только делать наглядно зримым то, что незримо, – расширение и сужение душевной жизни. Душевная жизнь, воспринимающая симфонию, богаче той, которая слышит только один удар

Воля Мудрость Движение Форма

Можно поэтому сказать, что эта душевная жизнь расширяется и сжимается, причем никаких пространственных представлений здесь не следует примешивать. Во время этого расширения и сжимания, несомненно, происходит внутреннее духовное движение. Да, **движение!** Душевная жизнь есть движение.

Только вы должны представлять себе это движение так, как мы его описали, но не как движение в пространстве. Это расширение и сужение образует формы; так что вы имеете движение и внешнее выражение движения в каких-то определенных **формах**. Но все это вне пространства! Те формы, которые здесь имеются в виду, являются не пространственными формами, но *формами расширяющейся и сужающейся душевной жизни*. И что же, в сущности, живет в этом расширении и сужении? Если вы немного подумаете над этим, что там должно жить, то приблизитесь, можно сказать, к действительности: *там внутри живут ваши ощущения, мысли, волевые импульсы, поскольку все они духовны*. Это подобно воде, которая течет, движется в формах, но все это духовно. Теперь вам нужно еще только одно представление, чтобы проникнуть во все это в целом. Мы сказали: там живут мысли, представления, чувства, волевые импульсы. Но *волевые импульсы* в известном отношении суть нечто более фундаментально необходимое, чем сама *мысль*, ибо если вы обдумаете то, как эта душевная жизнь может быть приведена иногда в более быстрое или иногда в более медленное движение, то вы почувствуете внутри себя, что, в сущности, это сама **воля** приводит в движение душевную жизнь. Если вы напряжете волю, вы сможете произвести более быстрое течение мыслей и чувств, когда же воля ленива, то все протекает медленнее. Вам необходима воля, чтобы расширить эту душевную жизнь.

Таким образом, мы имеем там, внутри, по порядку: **волю**; потом все то, что живет в чувствах, в представлениях и что является внутри нашей душевной жизни – повторяю, нашей душевной жизни – тем, что мы можем понять как выражение **мудрости**; затем мы имеем **движение** – расширение и сжатие; затем – **форму**, являющуюся выражением движения. Вы можете ясно различить в пределах вашей душевной жизни: волю, мудрость, движение и форму. Все это живет и пульсирует внутри вашей душевной жизни.

Жаль, что мы не можем продлить этот цикл на месяц, тогда можно было бы говорить подробнее. Тогда бы вы увидели, что все, происходящее в вашем внутреннем существе, как бы коренится в воле и содержит в себе, кроме того, мудрость, движение и форму, и что все это может быть точно обосновано. Но и теперь вы увидите замечательную вещь: последовательность, описанная здесь для душевной жизни, удивительным образом согласуется с названиями, которые мы могли бы дать последовательным иерархиям, начиная от **Духов Воли, Духов Мудрости, Духов Движения** – до **Духов Формы**. И, раскладывая таким образом нашу собственную душевную жизнь, мы как бы улавливаем край одежды этих

иерархий; мы их различаем самым удивительным образом в нашей душевной жизни. И мы видим, что они действуют совершенно *вне пространства*. Если бы даже не приобрели ничего иного этими изысканиями, как только то, что мы имеем теперь представление о важном свойстве этих четырех духовных иерархий: воли, мудрости, движения и формы, – а именно, об отсутствии в них пространственности, – то и это уже весьма важно.

Таким образом, под словом «форма» подразумевается беспространственная формация, действующая душевно-духовно. Это чрезвычайно важно. Когда мы говорим о формах, образуемых Духами Формы, то этим обозначаются не внешние пространственные формы, но те внутренние, доходящие, собственно, только внутренне до нашего сознания образования, схватить которые нам удастся только внутри нашей душевной жизни. Здесь все протекает только во времени. Без времени мы вообще не могли бы себе этого представить. Но вы должны, отрешившись от наглядности, не имеющей значения для сути дела, представить себе это, поскольку вы пребываете в душевной жизни, вне пространства.

Если Духи Воли действовали сперва на древнем Сатурне, Духи Мудрости – на древнем Солнце, Духи Движения – на древней Луне, а Духи Формы – на Земле, то, имея в виду чисто внутренний характер Духов Формы, мы можем сказать: Духи формы сотворили человека на Земле так, что он имел только незримую форму. Это прекрасно согласуется с тем, к чему мы пришли вчера. Незримые, беспространственные формы были даны сперва человеку Духами Формы в начале его земного существования. Мы должны теперь уяснить себе, что *все внешние предметы, все, что мы обнаруживаем во внешнем мире через наши органы чувств, все это есть не что иное, как внешнее выражение чего-то внутреннего духовного. И за каждой внешней пространственной вещественностью мы должны искать нечто подобное тому, что живет в нашей душе*. Конечно, оно не проявляется для наших внешних органов чувств, но находится позади того, что дают нам наши внешние органы восприятия.

Как можно представить себе действие, идущее *за пределы* Духов Формы, за пределы того, что они творят как форму, еще не занимающую места в пространстве? Заметьте, вопрос, нами поставленный, сводится к следующему: если бы это действие продолжилось за пределы воли, мудрости, движения и формы, еще дальше формы, то что тогда произошло бы? Так стоит вопрос. Видите ли, *когда космический процесс дошел до формы, еще полностью лежащей в духовно-душевно-бытии, еще не имеющей никакой формы в пространстве, то следующий шаг возможен только тогда, когда форма как таковая разбивается*.

Вот что тогда представляется оккультному взору: когда определенные формы, сотворенные под влиянием Духов Формы, развились до некоторого состояния, то эти формы разбиваются. И когда вы созерцаете разбитые формы, то есть, нечто, возникающее, когда сверхчувственные формы разбиваются, то тут вы имеете переход от сверхчувственного к чувственному в пространстве. Разбитая форма и есть **материя**. *Материя, возникающая во вселенной, для оккультиста есть не что иное, как разбитая, раздробленная, распыленная форма*. Если бы вы представили себе этот мел, который я держу в руке, невидимым, но одновременно имеющим такую вот своеобразную форму параллелепипеда, и, взяв молоток, быстро нанесли по нему удар, так, чтобы он разбился, раскололся на множество мелких частиц, то этим вы бы разрушили форму. Предположим, что в этот момент, когда вы раздробили форму, незримое

стало бы зримым, – тогда вы имели бы картину возникновения материи. *Материя есть дух, развившийся до формы и затем раздробленный, взорванный, распыленный.*

Материя есть груда обломков духа. Чрезвычайно важно ясно осознать именно это определение материи. Материя есть в действительности дух, но раздробленный дух.

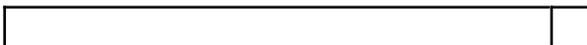
Если вы будете продолжать размышлять в этом направлении, то скажете себе: да, но мы встречаем в пространстве формы, например, кристаллы, которые, казалось бы, противоречат вышесказанному, ведь кристаллы бывают очень красивыми. Представьте себе падающую струю воды (см. рисунок). Предположим, что эта струя (а) незрима. Вы ставите ей препятствие (b). Струя, встречая препятствие, раздробляется на капли (с). Предположим, что струя воды незрима, но то, что раздробилось, стало зримым. Вы получили бы тогда раздробленную струю воды как символ материи. Теперь вы должны мысленно убрать препятствие внизу, ибо такого препятствия не существует, иначе нужно было бы предположить, что материя уже существует. Вы должны себе представить: материя, духовно организованная в форму без наличия такого сопротивления, является сверхчувственной и находится в движении, ибо движение предшествует во времени форме. Нет ничего, что бы не было проникнуто деяниями Духов движения. В определенный момент движение переходит в форму, ослабевает в себе самом и в себе самом разрушается.

Главное для нас – это понять, что то, что первоначально является духовно-душевым, направленно излучается, но, обладая лишь ограниченной силой инерции, теряет ее и, как бы отскакивая от себя самого, разбивается. Всюду, где мы встречаем материю, мы можем сказать: в основе этой материи лежит сверхчувственное, дошедшее до предела своего действия и взорвавшееся у этого предела. Но прежде чем взорваться, оно еще обладает внутренне духовными формами. Когда духовное бытие взорвалось, то в отдельных распадающихся обломках продолжает действовать то, что жило в нем раньше как духовная форма. Где имеет место сильное последствие, там и после разрыва сохраняются линии духовных форм; после того, как нечто распалось, в получающихся тогда линиях сохраняются еще последствия духовных линий. Благодаря этому образуются кристаллы. Кристаллы суть отображения духовных форм, которые как бы еще сохранили, благодаря собственной силе инерции, первоначальную устремленность в противоположном направлении.

То, что я вам здесь изобразил, почти в точности соответствует тому, что является оккультному взору при наблюдении водорода. Водород представляется оккультному наблюдателю как стремительно низвергающийся луч, постепенно в себе самом ослабевающий, разбрызгивающийся и потом принимающий следующую форму (см. рис.): мы можем обозначить это пересекающимися здесь линиями. Так что частица водорода выглядела бы так, как если бы мы имели невидимый луч, нисходящий из бесконечных далей пространства и разбивающийся, разбрызгивающийся по земле. Итак, всюду материя есть то, что можно назвать распавшейся, раздробленной духовностью, она – не что иное, как дух, но дух в состоянии раздробления.

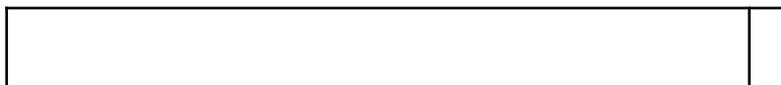

Теперь нам предстоит заняться еще одной сложной мыслью, имеющей связь с тем, о чем я говорил вначале. Я сказал, что и внутри самого духовно-душевного мы различаем внешнюю и внутреннюю стороны. В сущности, все пространственные измерения состоят из этих противоположностей, так что всюду, где есть то или иное измерение, вы можете считать его исходящим откуда-то из единого пункта. Это внутренняя сторона, все остальное – внешнее бытие. Для плоскости прямая линия есть внутреннее бытие, все остальное – внешнее, и т.д. Итак, **пространство возникает, когда дух раздробляется и переходит таким образом в материальное бытие.**

Очень важно обратить внимание на следующее. Представьте себе, что это разрывание духа, превращение его в материю совершается так, что он сначала раздробляется, разлетается, нигде не встречая внешнего противодействия, не находя перед собой никакой материи. Допустим, этот разрыв происходит в пустоте. Когда дух разрывается в пустоте, получается **минеральная материя**. Дух должен действительно сперва разорваться сам в себе, и тогда возникает минеральная материя. Предположим еще, что дело будет происходить не таким элементарным, первичным образом, когда дух разрывается в пустом пространстве, а так, что дух, разрываясь, находит уже готовый мир и развивается теперь не в пустоте, но, например, в уже имеющейся эфирной телесности. Итак, если этот процесс происходит в пустоте, возникает минеральная материя. Мы уже теперь предполагаем, что дух проникает в имеющуюся уже эфирную телесность. Подобная разрывающаяся духовность внедряется и распространяется внутри эфирного тела. Допустим, что эта разрывающаяся материя и это эфирное тело как таковые уже налицо. Следовательно, духовность раздробляется не в девственно нетронутым мире, а в эфирном теле. Тогда возникает не минеральная материя, а **растительная материя**. Когда дух разрывается в эфирной субстанции, возникает растительная материя.

(Далее Р.Ш. продолжает тему трех предыдущих лекций, чтобы подвести слушателей к пониманию облика человека на Земле, какой он принял в результате «грехопадения», происшедшего из-за вмешательства противодействующих сил в его эволюцию).

....

...